

ДИОНИСИЙ И КНЯЗЬ АНДРЕЙ УГЛИЧСКИЙ

О том, что Дионисий еще до 1481 года был знаком с князем Андреем Угличским и выполнял его заказы, свидетельствует известие, читающееся в некоторых списках «Сказания о Каменном монастыре»¹, компиляции, составленной в 1480–1481 г. Паисием Ярославовым, в то время — игуменом Троицкого Сергиева монастыря (1478–1482; умер в 1501 году²). Время составления Сказания определяется хронологическим интервалом между последним датированным сообщением Паисия об окончании вологодским князем Андреем Васильевичем Меньшим постройки каменного монастырского собора Спаса «в лето 6989» (то есть между 1 сентября 1480 и 31 августа 1481 года) и переходом монастыря и всего вологодского удела после кончины Андрея Меньшого (5 июля 1481 года) во владение Ивана III, о чем в Сказании не упомянуто. Поэтому заказчиком Сказания мог быть или Андрей Меньшой, или Иван III³.

«В лета 6989, — сообщается в заключительной части Сказания, — благоверный христоролюбивый князь Андрей Васильевич Меньшик⁴ вологочкой воздвиже церковь каменную чудну на езере⁵ Кубенском в монастыре у Всемилоствиваго Спаса в Каменном, идеже в той земли от начала миру ничтоже бывало каменнаго от храмов, понеже земля удалела, отстоит остров <от берега>на ближнюю страну семь верст; а камень возили из Твери из Старицы городка. Монастырь сий от древних зовом Каменной. Князь Андрей Васильевич Углецкой дал деисус

¹ Сравнительного исследования всех дошедших до нас списков Сказания не проведено. Наиболее полная публикация по двум спискам XVII в. (РНБ. Сол. № 227/227 и 628/609); Православный собеседник. Казань, 1861. Февраль. С. 199–216; без приписок XVI в. — по списку конца XVII в. Вологодской Областной краеведческий музей (далее — ВОКМ). № 43 (2470): Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1987. Ч. 1. Вып. 2. С. 413–417). В третьей публикации (см.: Прохоров Г. М. Сказание Паисия Ярославова о Спасо-Каменном монастыре // Книжные центры Древней Руси XI–XVII вв. Разные аспекты исследования. СПб., 1991: на с. 136–155 — исследование; на с. 136–140 перечислено 17 списков Сказания XVI–XVIII в.; на с. 155–162 — публикация по спискам XVII в. (РНБ. Q.XVII.67 и РГБ. Ф. 304. № 658) и середины XVI в. (РНБ. Соф. № 1457, с дополнениями 1542–1561 г.) — из текста безосновательно выброшена исключительно важная приписка о пожаловании монастырю князем Андреем Угличским деисуса работы Дионисия, если не принадлежащая Паисию, то сделанная кем-то из каменских монахов в конце XV в. Само расположение ее в тексте большинства известных мне списков Сказания свидетельствует о том, что древнерусские книжники воспринимали сообщение о деисусе как неотъемлемую часть летописного отрывка 6989 года о постройке каменного монастырского собора. О Сказании и его авторе см. также: Ключевский В. О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 189–192; Архангельский А. С. Павел, преподобный — Петр (Илейка) // Русский биографический словарь. СПб., 1902. Т. XIII. С. 123–127; Прохоров Г. М. Паисий Ярославов. // Словарь книжников и книжности Древней Руси (далее — СККДР). Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 156–160; Архим. Макарий (Веретенников). Старец Паисий Ярославов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 24–34. К перечню списков Сказания, составленному Г. М. Прохоровым, можно добавить рукописи: РГБ. Ф. 236. № 62. Перв. пол. XVII в. Л. 1–15; ГИМ. Ув. № 759. XVII в. Л. 221–236; Увар. № 153. XVII в. Л. 41–56 об.; ГИМ. Увар. № 122. Кон. XVII в. Л. 97 об. — 118; Увар. № 107. Кон. XVII в. Л. 200–206 об. (текст Сказания обрывается после заголовка «О поставлении церкви каменной» на словах: В лето 6985. Благо...». Конец утрачен); РГАДА. Ф. 196. Оп. I. № 410. XVII в. Л. 177 об. — 193; РГАДА. Ф. 196. Оп. I. № 1055. XVII в. Л. 1–16; РГАДА. Ф. 181. Оп. I. № 20. Кон. XVII — нач. XVIII в. Л. 870–874 об.; РГБ. Ф. 178. № 305. 1718 г. Л. 9–19.

² Стров П. М. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877. Стб. 138. Оставил игуменство до 24 августа 1482 г., когда настоятелем Троицкого монастыря был назначен Иоаким (см. приписку в сборнике XV в. из Троицкого Сергиева монастыря: РГБ. Ф. 304. № 408. Л. 507 об.). Скончался в Москве 23 декабря 1501 г. (РНБ. Погод. № 1554. Л. 21; РНБ. Кир.-Бел. № 101/1178. Л. 253 об. Ср.: Прохоров Г. М. Сказание Паисия. С. 151). Высказывалось мнение, что Паисий был постриженником Каменного монастыря (Филарет, архиеп. Обзор русской духовной литературы. СПб., 1884. С. 118. Источник этого сообщения неизвестен).

³ В пользу первого предположения свидетельствует то обстоятельство, что Паисий был доверенным лицом Андрея Вологодского, присутствовал при составлении духовной князя (ДДГ. С. 277); в пользу второго — то, что Паисий пользовался большим авторитетом у Ивана III, выполнял его поручения, крестил двух его сыновей: Василия — совместно с архиепископом Вассианом Ростовским — в 1479 г., Юрия — в 1480 г. (см.: ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 197 и 199). В 1484 г. великий князь намеревался назначить Паисия митрополитом (см.: Там же. С. 203).

⁴ Современники называли этого князя «Меньшой». Не исключено, что в протографе Сказания Паисия значилось «Меньшии», а «Меньшик» появился по невнимательности одного из переписчиков, принявшего конечную букву «и» за «к».

Дионисиева письма»⁶. Упоминание о деисусе во многих списках Сказания отсутствует. Между тем, принадлежность этого сообщения, дополняющего и завершающего авторский текст, самому Паисию, находившемуся в добрых отношениях с князем Андреем Угличским⁷ и, безусловно, осведомленному о его драгоценном подарке Каменному монастырю, весьма вероятна.

Отсутствие известия о деисусе в большинстве дошедших до нас списков Сказания объясняется, скорее всего, политическими обстоятельствами. После заточения угличского князя в сентябре 1491 года все его владения, все принадлежащее ему движимое и недвижимое имущество было захвачено Иваном III. Опасаясь изъятия вкладов репрессированного князя, власти некоторых облагодетельствованных им монастырей поспешили хотя бы частично уничтожить соответствующие документы⁸. Информация о деисусе работы Дионисия могла сознательно утаиваться приученными к осторожности монастырскими переписчиками конца XV — начала XVI века по той же причине — чтобы новый хозяин не отобрал ценные иконы⁹.

В интересующем нас заключительном фрагменте авторского текста указано, что собор «у Всемилоствига Спаса на Каменном» был воздвигнут в 6989 г. при жизни Андрея Меньшого, то есть между 1 сентября 1480 и 5 июля 1481 года. В 1537 году местный инок Герман в составленном им Житии Филиппа Ирапского подтвердил название обители — «святаго Всемилоствига Спаса»¹⁰. Между тем, в древнейшей части Сказания, в монастырских описях, а также в Вологодской летописи и Летописце Ивана Слободского собор именуется *Преображенским*¹¹. Строительство любого храма всегда старались закончить до наступления дождей и холодов и, разумеется, за некоторое время до намеченного заранее освящения церкви, которое приурочивалось обычно к храмовому, престольному или какому-либо иному, существенному для основателя празднику. Праздник Всемилоствига Спаса отмечали 1 августа, Преображение — 6 августа¹². В монастырском соборе имелся также придел Петра митрополита (память отмечалась 20 или 21 декабря¹³). Но в августе 1480 года Андрей Меньшой участвовал в военных действиях против Ахмата.

Князья-победители прибыли в Москву не ранее конца ноября¹⁴ и, отпраздновав победу, разъехались по своим отчинам. Неясно, покидал ли Москву Андрей Вологодский. Не позднее марта 1481 года здесь была составлена его духовная грамота¹⁵. Скончался он в Москве, как отмечалось выше, 5 июля

⁵ Здесь в цитируемом списке по ошибке добавлен предлог «в».

⁶ Православный собеседник. С. 212.

⁷ Во время ссоры Андрея Угличского и Бориса Волоцкого с Иваном III в 1480 г. Паисий вместе с великой княгиней Марией Ярославной, митрополитом Геронтием и ростовским архиепископом Вассианом Рыло «молиша великого князя о братии его» (ПСРЛ. Пг., 1921. Т. 24. С. 200; ПСРЛ. М.; Л. 1963. Т. 28. С. 150; ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 224).

⁸ Ср.: АСЭИ. М., 1964. Т. III. С. 490.

⁹ Подобные неприятности случались. Так, например, в первом десятилетии XVI в. волоцкий князь Федор Борисович, пользуясь правом вотчича, отобрал у Иосифова монастыря иконы письма Андрея Рублева, вложенные Феодосием Денисьевым (Послания Иосифа Волоцкого. М., 1959. С. 212). Полвека спустя Иван IV столь же бесцеремонно поступил с приглавшимся ему вкладом в Иосифов монастырь новгородского владыки (с 1542 по 1550 г.) Феодосия — «деисус с праздники и с пророки и с преподобными. И тот деисус взял царь и государь князь велики. А промена ему не ведома» (РГАДА. Ф. 1192. Оп. 2. № 392. Л. 118).

¹⁰ Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 275. Прим. 1; Дмитриев Л. А. Житие Филиппа Ирапского // СККДР. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 341.

¹¹ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 181, 198.

¹² Сергей, архиеп. Полный месяцеслов Востока (далее — ПМВ). Владимир, 1901. Т. II. С. 232, 238.

¹³ Там же. С. 390.

¹⁴ Данные источников о времени возвращения противоречивы. Указывается, например, 22 ноября и даже 28 декабря (ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 137).

¹⁵ ДДГ. № 74. С. 275–277. Духовная грамота Андрея Меньшого появилась на свет до 23 марта 1481 г., когда умер присутствовавший при ее составлении ростовский архиепископ Вассиан Рыло. Л. В. Черепнин склонялся к датировке завещания февралем 1480 г. (Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 179–182), а, по мнению А. А. Зимина, составлялось оно еще в августе 1479 г. (Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот // Проблемы источниковедения. М., 1958. Сб. VI. С. 317; Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982. С. 280. Прим. 3).

1481 года, но остающийся для гипотетического посещения им Спасского собора промежутки между мартом и июнем едва ли мог быть использован им для неблизкого путешествия в монастырь, который к тому же во время таяния льдов становился совершенно недоступным.

Как бы то ни было, отмеченное в Сказании Паисия посвящение храма Всемиловитовому Спасу заставляет думать, что собор освятили 1 августа 1480 года. К этому дню дионисиевские иконы должны были уже находиться в тяблах алтарной преграды. Серебряная утварь для монастырского собора исполнялась по заказу Андрея Вологодского еще в 1478 или 1479 году¹⁶, а книги — еще раньше, в 1477 году¹⁷. Можно с большой степенью вероятности предположить, что и деисус был заказан Дионисию князем Андреем Угличским заблаговременно, самое позднее — между сентябрем 1479 и январем 1480 г.¹⁸

По сохранившимся документам известно, что за рассматриваемый промежуток времени (1479—1481) в Каменном монастыре сменилось два настоятеля — Логгин¹⁹ и Нифонт. Последний — неизвестный П. М. Строеву — упомянут единственный раз в жалованной меновой грамоте Андрея Меньшого, датирующей издателем приблизительно 1480—1481 г.²⁰ Датировку эту можно уточнить, если принять во внимание запись писца на Толковой Псалтири из собрания П. А. Овчинникова, согласно которой книга эта была переписана по указанию игумена Логгина «в лето 6989, солнчанаго круга 17, а луннаго 16, индиктион 14»²¹, иными словами, в 1481 году. Другой игумен с именем Логгин за этот период неизвестен, и есть все основания полагать, что рукопись происходит из Каменного монастыря²².

¹⁶ В надписи на серебряном блюде «под дору» из Каменного монастыря (ВОКМ. Инв. 2775) указано, что оно «сделано лета 87-го», иными словами, между 1 сентября 1478 и 31 августа 1479 г. (см.: Николаева Т. В. Произведения русского прикладного искусства с надписями XV — первой половины XVI в. М., 1971. С. 89. № 91. Табл. 59).

¹⁷ Сохранились 4 тома Стишного Пролога (РГИА. Ф. 834. Оп. 2. № 1261, 1264, 1267, 1278).

¹⁸ Летом 1479 г. Дионисий работал над иконами для иконостаса первой — деревянной церкви Успения Богородицы Иосифова Волоколамского монастыря (см.: Голейзовский Н. К. Дионисий и его современники // Искусство. М., 1980. № 6. С. 57), заложенной 6 июня и освященной 15 августа 1479 г., а с начала февраля до конца ноября 1480 г. Андрею Угличскому было не до живописных заказов: поссорившись с Иваном III, Андрей вместе с братом Борисом Володким выступил с войсками к литовской границе, а сразу после примирения с великим князем участвовал в совместных военных действиях против Ахмата. Наиболее вероятно, что иконы для собора Каменного монастыря писались Дионисием и его помощниками зимой 1479—1480 г.

¹⁹ Упоминается в феврале 1479 г. (Строев П. М. Списки иерархов. Стб. 742).

²⁰ АСЭИ. Т. III. С. 285. Этот Нифонт может быть отождествлен с покровительствуемым митрополитом Геронтием игуменом Кириллова Белозерского монастыря, чей неудачно окончившийся спор о принадлежности названной обители с ростовским архиепископом Вассианом Рыло в 1478 г. попал на страницы летописей (ПСРЛ. Т. 24. С. 197 и др.). В Москве 2 февраля 1478 г. Нифонт постриг в монашество мать Ивана III — великую княгиню Марию Ярославну. Об этом сообщает летописец Гурия Тушина (РНБ. Соф. № 1468. Л. 177). Большинство летописей отмечает только факт пострижения Марии Ярославны под именем Марфы в московском Вознесенском монастыре (например, см.: ПСРЛ. Т. 24. С. 196; ПСРЛ. М.; Л., 1962. Т. 27. С. 281; ПСРЛ. Т. 28. С. 147 и 312), и лишь некоторые, не называя Нифонта по имени, что связано, вероятно, с упомянутым выше спором о Кириллове монастыре, указывают, что постриг ее кирилловский игумен (ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 322; ПСРЛ. Т. VI. С. 220; ПСРЛ. СПб., 1901, Т. XII. С. 188). Считается, что Нифонт был кирилловским настоятелем между 1476—1482 г. (Строев П. М. Списки иерархов. Стб. 55; АСЭИ. М., 1958. Т. II. С. 694). Однако один из летописцев Кириллова монастыря указывает, что игуменство Никона продолжалось только пять лет (ГИМ. Цук. № 652. Л. 11), а имя его в монастырских кирилловских актах упомянуто последний раз в январе 1480 г. (АСЭИ. Т. II. № 256. С. 169). О последующих его передвижениях известно, что какое-то время он был архимандритом московского Симонова монастыря (исследователи отводят для этого промежутка между 1482 и 1484 г. (см.: Строев П. М. Списки иерархов. Стб. 150; АСЭИ. Т. II. С. 696), но симоновских актов с его именем не сохранилось; затем 9 декабря 1484 г. митрополит Геронтий поставил его епископом в Суздаль (ПСРЛ. Т. 24. С. 204). В 1488 г. с посланием к Нифонту о еретиках обращался новгородский архиепископ Геннадий (Казакова Н. А., Лурье Я. С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955. С. 312—313), а в начале 90-х г. XV в. — Иосиф Волоцкий (Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 160—172). Скончался Нифонт 8 марта 1508 г. и похоронен в Суздале. На мой взгляд, Нифонт мог быть игуменом Каменного монастыря в 1481—1482 г.

²¹ РГБ. Ф. 209. № 67. Л. 209 об.

²² Ср.: Розов Н. Н. Книга в России в XV веке. Л., 1981. С. 39, 142. В 1984 г., во время занятий в Вологодском областном архиве, я обнаружил известие, проливающее свет на историю этой рукописи. Согласно Описи Павлова Обнорского монастыря 1785 г. в книгохранительной палате этой обители находилось тогда «две книги в большую четверть: Псалтырь со воследованием и Часослов с воследованием же, обложены черною кожею, писан полууставом одинакого писма, видно и времени. По ним же церковная служба отправляема была во обители отца Павла преподобнаго древняго времени, ис коих во Псалтыри в конце

Итак, Нифонт заместил Логгина не ранее января 1481 г. Следовательно, монастырский собор возводился при Логгине; при игумене Логгине — и, несомненно, с его ведома и с учетом его пожеланий — Андрей Угличский заказывал Дионисию деисус. К сожалению, известно об этом Логгине очень мало. Переписчик упомянутой выше Псалтири обращается к нему с величайшим уважением: «Приими, господине, от нас, приими весело твоего желания требование. Любве бо закон превзыдох, твоею святынею понужен, господина моего...»²³ Имя игумена Логгина встречается в актах заволжских монастырей с 30-х годов XV в. Однако установить достоверно, идет ли там речь об одном и том же интересующем нас лице, пока не представляется возможным, и составленный мною по этим документам «послужной список» Логгина является гипотетическим.

Впервые Логгин — игумен Кириллова Белозерского монастыря — упоминается в жалованной грамоте 1434 года верейского и белозерского князя Михаила Андреевича²⁴. «Игумен Логгин бывшей» фигурирует среди старцев Ферапонтова монастыря в межевой записи, датирующей приблизительно 70–80-ми годами XV в.²⁵ И. А. Голубцов предполагал, что Логгин стал игуменом Каменного монастыря около 1473 года²⁶. Если это соответствует действительности, то Логгину пришлось пережить пожар в монастыре 3 сентября 1476 года, когда сгорела церковь «со всеми узорочьи, с чудными иконами и книгами и со всею казною...»²⁷ Известны две грамоты на имя Логгина в бытность его каменским игуменом: великой княгини Марии Ярославны, о передаче Спасской обители Никольского монастыря с деревнями (до ее пострижения 2 февраля 1478 года)²⁸ и жалованная Андрея Васильевича Меньшого (февраль 1479)²⁹.

Во время пожара 24 июля 1774 года деисус работы Дионисия сгорел³⁰. Он состоял, согласно дошедшим до нас «допожарным» описям³¹, из тринадцати икон: в центре — Вседержитель

подписано, что писана по повелению и желанию игумена Логгина в лето 6989го» (Государственный архив Вологодской области (далее — ГАВО). Ф. 521. Оп. 1. № 14. Л. 19). Возможно, речь идет о той самой рукописи, которая, согласно Описи Спасского Каменного монастыря 1628 г., была около этого времени продана монастырским казначаем Нафанаилом (см.: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вологда, 1985. Вып. 1. Ч. 4. Приложение 2. С. 189). Позднее она попала в собрание коллекционера-старообрядца Г. П. Никифорова, у которого, как видно из записи на внутренней стороне верхней крышки переплета, была куплена П. А. Овчинниковым в 1895 г. за 40 рублей.

²³ РГБ. Ф. 209. № 67. Л. 209 об.

²⁴ АСЭИ. Т. II. № 66. С. 42–43; ср.: С. 694. См. также: *Дебольский Н. Н.* Из актов и грамот Кирилло-Белозерского монастыря. СПб., 1900. С. 41. Прим. 1. Впрочем, не исключено, что речь здесь идет о другом Логгине.

²⁵ АСЭИ. Т. II. № 327. С. 308–309; ср.: С. 695. Имя ферапонтовского игумена Логгина до сих пор было почти незнакомо исследователям. Оно читается в Синодике Ферапонтова монастыря 1641 г. в поминальном списке настоятелей (РНБ. НСРК. Пост. 1947 г. № 103. Л. 17 об.), а также среди строителей и вкладчиков «обители сей» (Там же. Л. 31). В перечне игуменов Логгин назван пятым после Ферапонта, Мартиниана, Германа, Иоакима; за Логгином следует Геннадий, известный по антиминсам Рождественского собора, датированным 8 сентября 1490 г. (*Романов К. К.* Антиминсы XV–XVII вв. собора Рождества пр. Богородицы в Ферапонтово-Белозерском монастыре // Известия Комитета изучения древнерусской живописи. Пб., 1921. Вып. I. С. 32).

²⁶ АСЭИ. Т. III. № 268. Прим. 1. С. 284.

²⁷ Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Ч. 1. Вып. 2. Приложение 1. С. 416. При публикации цитируемого отрывка Сказания о Каменном монастыре в «Православном собеседнике» (Православный собеседник. С. 211) допущена ошибка: год пожара указан неверно (вместо 6985 — «в лето 6980-е»). Издатели приняли цифру 5 за окончание -е. В других списках Сказания, а также в летописи пожар датируется 6985 г. (ср.: ПСРЛ. Т. 24. С. 195).

²⁸ АСЭИ. Т. III. № 268. С. 283; ср.: Прим. на с. 283–284.

²⁹ АСЭИ. Т. III. № 269. С. 284–285.

³⁰ См. «Дело по доношению архимандрита о пожаре Спасокаменного монастыря» (ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. № 3063 на 163 л.). Включенная в дело «Опись оставшему выносному ис пожару церковному и казенному имуществу» (Там же. Л. 4–9 об.) сообщает, что из икон от огня удалось спасти только пять небольших образов: надгробную икону преп. Иоасафа Каменского (Там же. Л. 4), «Преображение», «Нерукотворный Спас» и две «Одигитрии» (Там же. Л. 6 об.). О гибели деисуса было хорошо известно историкам монастыря (ср.: *Суворов Н. И.* Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. Вологда, 1893. С. 20; *Корольков А. И.* Спасокаменный, на Кубенском озере, монастырь. СПб., 1895. С. 19; и др.), что, однако, не помешало В. А. Богусевичу усомниться в этом факте (см. в кн.: Северные памятники древнерусской станковой живописи. Вологда, 1929. С. 19) и даже отождествить сгоревшие иконы Дионисия с деисусом из Глушицкого Покровского монастыря (ВОКМ. Инв. 7881–7891).

³¹ При работе я пользовался следующими описями Спасского Каменного монастыря: 1628 г. (ГИМ. ОПИ. Ф. 226. № 37. На 78 л. Опубликовано: Памятники письменности в музеях Вологодской области. Каталог-путеводитель. Вып. 1.

на престоле, справа от него — Богородица, архангел Михаил, апостол Петр, Василий Великий, Димитрий Солунский, Онуфрий Великий; слева — Иоанн Предтеча, архангел Гавриил, апостол Павел, Иоанн Златоуст, великомученик Георгий и Макарий. Примечательную особенность составляли изображения Макария Египетского и Онуфрия Великого, крайние слева и справа; в деисусах XV века места эти занимали обычно иконы великомучеников³² или столпников³³.

Не исключено, что помимо собственно деисуса подарок угличского князя включал еще один или два ряда икон³⁴. Во всяком случае в 1628 году, согласно описи, над деисусом уже существовали — неведомо, с какого времени — праздничный и пророческий ряды³⁵, а в описи 1670 года, составленной после большого пожара 24 августа 1657 года, уничтожившего часть икон³⁶, упоминаются «над деисусом и в том же тябле двенадцать образов владычных (посвященных Христу. — Н. Г.) праздников в аршин (высотой 70—71 см. — Н. Г.), обложены серебром басмены[м] золочены[м], да на трех цках *старые* пророки девять образов, а у них венцы басмены ж золочены на колотках»³⁷. Пояснение «старые» обычно указывало на принадлежность икон к первоначальному составу иконостаса. В связи с этим надо отметить, что согласно описи 1670 года иконы деисуса имели точно такие же, как пророческие, серебряные позолоченные басменные оклады и венцы на колодках, сделанные, вероятнее всего, на пожертвование Василия III, посетившего монастырь в 1528 году, а если так, то «старые пророки» появились в иконостасе не позднее этого времени.

Но если «праздники» и «старые пророки» (или только «праздники») были добавлены к соборному деисусу 1480 года работы Дионисия в первой половине XVI века, то наиболее вероятным инициатором и участником этого мероприятия, на мой взгляд, следует считать бывшего московского митрополита Варлаама, сосланного в Каменный монастырь в начале 1522 года³⁸ и скончавшегося здесь 24 марта 1533 года³⁹. Будучи опытным иконописцем (в 1518 году он участвовал в реставрации древних икон из владимирского Успенского собора⁴⁰), Варлаам высоко ценил искусство Дионисия,

Ч. 4. Приложение 2. С. 164—209); 1670 г. (ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. № 44. На 91 л. Извлечения из этой описи изданы: Суворов Н. И. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. С. 46—54); 1701 и 1703 г. (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. № 37. На 212 л.). Между 1670 и 1701 г. центральный «образ Спаса, что наперед сего был в тябле» из деисусного ряда вынули и поместили в алтаре «на горнем месте» (РГАДА. Ф. 237. Оп. 1. № 37. Л. 10); в иконостасе появился новый «Спасов образ писан на красках» (Там же. Л. 5 об.). Причиной этой замены послужило, вероятно, двуперстное сложение благословляющей руки Спаса на иконе Дионисия. В ходе борьбы с расколом подобные изъятия древних изображений Спасителя из деисусов производились нередко. Аналогичные случаи с иконами Вседержителя работы Дионисия произошли в Ферапонтове и Павлове Обнорском монастырях.

³² Деисус Троицкого собора Сергиева монастыря (1422 или 1423).

³³ Деисусы Успенского собора Московского Кремля (1481), Успенского собора Иосифова Волоколамского монастыря (1485), собора Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря (дополнение 1490 г.), Успенского собора Кириллова Белозерского монастыря (1496).

³⁴ В. Т. Георгиевский (См.: Георгиевский В. Т. Фрески Ферапонтова монастыря. СПб., 1911. С. 25—26) допускал, что под «деисусом» мог подразумеваться целый иконостас и даже фрески, о которых в приписке к Сказанию нет ни слова. О фресках Дионисия еще увереннее писал И. В. Евдокимов, безуспешно искавший «под новейшей штукатуркой древние графы росписи» (Евдокимов И. [В.] Север в истории русского искусства. Вологда, 1921. С. 69; ср. в его же статье: Евдокимов И. Вологодский иконник Григорий Агеев // Временник. Вологда, 1916. Вып. I. С. 8).

³⁵ Они упомянуты (без перечисления) как часть деисуса в древнейшей дошедшей до нас описи Каменного монастыря 1628 г. (см. выше прим. 30): «Деисус болшей с празники и пророки, все образы обложены серебром и позолочены» (ГИМ. ОПИ. Ф. 226. № 37. Л. 2 об.; в публикации 1985 г. С. 165).

³⁶ Суворов Н. И. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. С. 13.

³⁷ ГАВО. Ф. 883. № 44. Л. 3 об. (Суворов Н. И. Описание Спасокаменного, что на Кубенском озере, монастыря. С. 49).

³⁸ ПСРЛ. СПб., 1853. Т. VI. С. 264; ПСРЛ. СПб., 1904. Т. XII. Первая половина. С. 43.

³⁹ Об этом сообщает краткий летописец Кириллова Белозерского монастыря первой половины XVI в.: РНБ. Погод. № 1554. Л. 24 об. (см.: Зимин А. А. Краткие летописцы XV—XVI вв. // Исторический архив. М., 1950. Т. V. С. 30).

⁴⁰ ПСРЛ. Т. VI. С. 282; ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. С. 30. Наиболее подробный рассказ об этом сохранился в неопубликованном «Архивском» летописце XVI в.: «Митрополит же Варлаам повеле своим [ико]нописцем в своей полате поновити иконы и сам много тут тружаяся ко с[вя]тым иконам своим руками и обнови вскоре с[вя]тыя иконы якож и первые беша» (РГАДА. Ф. 181. Оп. I. № 11. Ч. 3. Л. 228—228 об.).

был давно знаком с его сыновьями⁴¹, которые вместе с отцом по приглашению митрополита и под его наблюдением расписывали в 1513—1515 г. Успенский собор Московского Кремля.

Трудно сказать, имелся ли деисус, аналогичный созданному Дионисием в 1480 году для Спасского Каменного монастыря, в предшествующем монастырском храме, сгоревшем 3 сентября 1476 года, и были ли образы Макария и Онуфрия введены в состав дионисиевских икон по замыслу игумена Логгина или явились данью местной традиции. Изображения этих прославленных фиваидских пустынников IV века издавна встречались в произведениях древнерусской фресковой и станковой живописи⁴², но не исключено, что для Каменного монастыря они имели особое, принципиальное значение, отражая своеобразие его духовной деятельности, приверженность обители к идеалам древнего пустынножительства. Особенность эта до некоторой степени отразилась и в Сказании о Каменном монастыре, несмотря на присущий ему характер компилятивной исторической справки. Быть может, не случайно в завершающих его строках упомянуто о труднодоступности обители, об островном ее расположении, являющем собой одновременно и географическую подробность, и символическую параллель к отделению монастыря от «мира».

При изучении приписки к заключительным строкам Сказания возникает вопрос: а почему, собственно, вкладчиком деисуса работы Дионисия оказался угличский князь, а не Андрей Меньшой, вотчик и покровитель монастыря, строитель Спасского собора? Вологодский князь ревностно относился к этой постройке: несмотря на серьезные финансовые затруднения⁴³, он заказывал для храма книги, серебряную утварь и, вероятно, многое другое, включая иконы. Почему же он сам не поручил Дионисию написать деисус? Почему, наконец, не сделал этого кто-либо другой из братьев вологодского князя, но именно Андрей Угличский? Казалось бы, зная о материальных трудностях младшего брата и ревнивом его отношении к обители, Андрею Большому проще и уместнее было бы ссудить его деньгами на иконы, а монастырь наделить землей, как делали это другие вкладчики, например, ярославские князья или мать обоих Андреев — великая княгиня Мария Ярославна⁴⁴.

Но главное: если держаться общепринятой версии, согласно которой Дионисий жил и работал в Москве и был «одним из любимых мастеров Ивана III»⁴⁵, то придется признать, что в 1479—1480 г. Андрей Меньшой располагал куда более благоприятными возможностями для общения с прославленным живописцем, чем Андрей Большой, который в этот промежуток времени не мог бы заказать Дионисию деисус даже через подставное лицо, не подвергая мастера опасности столкновения с московским самодержцем. Ведь именно в 1479—1480 г. угличский князь был в ссоре с Иваном III и не появлялся в Москве⁴⁶ до примирения с великим князем в ходе совместных военных действий против татар.

Напомню, что Дионисий считался в то время самым искусным («хитрым») и знаменитым («пресловущим тогда паче всех») русским живописцем. Отзывы составителей Сказания о

⁴¹ В бытность Варлаама архимандритом Симонова монастыря между 1506—1511 «дети боярские <...> Федосей да Ондрей дети Икон[ни]ковы» присутствовали в качестве свидетелей при обмене монастырской земли (см.: Акты феодального землевладения и хозяйства. Акты московского Симонова монастыря (1506—1613 г.). Л., 1983. № 2. С. 3. В публикации вместо «Икон[ни]ковы» ошибочно напечатано «Яковлевы»).

⁴² Фрески Феофана Грека в Троицком приделе новгородской церкви Спаса Преображения на Ильине улице (1378), Андрея Рублева и Даниила Черного во владимирском Успенском соборе на склонах арки южного нефа (1408); на четырехчастной иконе из Московского Кремля, в ГТГ. Инв. 4229 (начало XV в.), на створке иконы «Богоматерь Умиление» из села Сандыри, в ГТГ. Инв. 17302 а, 17301 б, 17302 в (1491); и др.

⁴³ Колоссальные долги Андрея Меньшого (например, Ивану III он задолжал 30 000 рублей) перечислены в его духовной (ДДГ. № 74. С. 275—277).

⁴⁴ АСЭИ. Т. III. № 263—272 а. С. 280—287.

⁴⁵ Лазарев В. Н. Дионисий и его школа. В кн.: История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 492. Впрочем, еще В. Т. Георгиевский безосновательно назвал Дионисия и его сыновей «иконописцами великого князя Ивана III» (Фрески Ферапонтова монастыря. С. 19).

⁴⁶ Он не приехал даже на торжественное освящение московского Успенского собора 12 августа 1479 г. Андрей Меньшой, несмотря на болезнь, на этом празднике присутствовал (ср.: ПСРЛ. Т. 25. С. 324).

Пафнутии Боровском и его Жития весомо подкрепляются фактом предпочтения, оказанного живописцу еще в 60-х и начале 70-х годов XV в. столь взыскательными и высокопоставленными заказчиками, как митрополит Филипп, князь Юрий Дмитровский, игумены Мартиниан Ферапонтовский и Пафнутий Боровский, доверившими именно ему выполнение местных икон для московского и дмитровского Успенских соборов, ферапонтовского деисуса и росписей Рождественского собора Пафнутьева монастыря.

Находясь в расцвете сил и зените славы, Дионисий мог выбирать среди множества заманчивых предложений. Чтобы при таких обстоятельствах позволить себе загрузить мастера крупным заказом, предназначавшимся не для собственных нужд, а для подарка, Андрею Большому надо было не только пользоваться особым расположением живописца, но и достаточно свободно распоряжаться его рабочим временем — ведь для украшения многочисленных угличских «новостроек» постоянно требовалось участие и руководство опытного профессионала.

Изложенные соображения позволяют предположить, что к концу 70-х годов XV в. между Дионисием и угличским князем существовали отношения, ставившие Андрея Васильевича в привилегированное положение среди прочих заказчиков иконописца. Но если Дионисий действительно служил этому князю, он должен был одновременно находиться в непосредственном юридическом подчинении у местного епархиального владыки — ростовского архиепископа. Такое подчинение существовало: оно засвидетельствовано ростовским историографом конца XV века, записи которого сохранились в составе Львовской и Софийской II летописей⁴⁷.

*

Прежде чем продолжить рассказ о связях Дионисия с Андреем Большим, необходимо разобраться, чем руководствовался угличский князь в своей внутренней и внешней политике. Это нужно не только ради соблюдения исторической объективности, но и для того, чтобы выяснить нравственные и политические убеждения самого Дионисия.

Мною уже отмечалось, что формально — согласно древнему наследственному праву — Андрей Васильевич после смерти в 1472 г. своего старшего брата Юрия становился реальным претендентом на великокняжеский трон. Говорилось и о сходстве некоторых мероприятий удельных князей (строительство и украшение монастырей и храмов, канонизация местных святых) с аналогичными действиями Юрия Звенигородского, предшествовавшими захвату им московского престола. Подобные мероприятия проводились и Андреем Большим, причем в значительно более крупных масштабах. Однако при внешнем сходстве тут имелось весьма существенное внутреннее отличие. Если Юрий Звенигородский свои далеко идущие планы строил на установлении культа общерусского святого, если Сергиев монастырь с возведенным Юрием храмом Троицы становился духовным сердцем всей России, то строительные и канонизационные предприятия Андрея Угличского по значимости своей не выходили за рамки его удела и ничем кроме размаха и блеска не отличались от деятельности других князей, старавшихся по мере сил и возможностей украсить свои столицы и увековечить свою память.

Но именно такие попытки местного самоутверждения, создающие досадные помехи на триумфальном пути к единовластию и централизации, вызывали особое раздражение московского самодержца. Для устранения подобных помех Иван III провоцировал такие действия удельных князей — и в первую очередь Андрея Большого — против самого себя, которые, не создавая реальной угрозы повторения феодальной войны 30–50-х годов XV в., оправдывали бы жесткие ответные меры со стороны великого князя и позволяли ему на законных основаниях ликвидировать удельные княжества.

Достаточно убедительная иллюзия конфронтации была достигнута посредством мелких провокаций. Особую жизненность придали ей отнюдь не иллюзорные вспышки недовольства со

⁴⁷ Подробнее об этом: Голейзовский Н. К. Загадки Благовещенского собора: новое в российской истории // Вопросы истории. М., 1998. № 6. С. 107–108.

стороны Андрея Большого и Бориса Волоцкого, порожденные несправедливыми, а порой и противозаконными поступками Ивана III. Каждый такой жест великого князя мог показаться стороннему наблюдателю импульсивным, случайным, но был, как заставляют думать последующие события, тщательно продуман. Иван III откровенно дразнил братьев, демонстрируя им свое превосходство и полную безнаказанность: то лишал их законной доли в наследстве умершего Юрия Васильевича Дмитровского, то полностью игнорировал при дележе новгородской военной добычи, то швырял мелкую подачку одному, оставляя без внимания другого, то грубо нарушал право перехода, арестовывая своего боярина, перешедшего на службу к волоцкому князю⁴⁸. Как и предполагалось, общественность с возрастающим интересом ожидала от братьев решительного выступления против великого князя, а от великого князя — решительных ответных действий.

Ссора вспыхнула в 1479 г. и грозила перерасти в военное столкновение. Трагедия была приостановлена нашествием Ахмата и временным примирением братьев. Но в 1491 г. она завершилась расправой над Андреем Большим, пожизненным заключением его малолетних сыновей и захватом Угличского удела⁴⁹.

Необходимость оправдать бессмысленные зверства, предотвратить распространение нежелательных толков и настроений порождала необычные способы воздействия на общественное мнение. Так, например, именно в эти годы появилась на свет переводная «Повесть о Дракуле»⁵⁰, где оправдывались любые жестокости, если только совершались они самодержавным правителем во имя укрепления авторитета государственной власти. Но официальные письменные источники, должным образом ориентировавшие общественность, в том числе, разумеется, летописи, предназначались не столько для современников, сколько для потомков, которым предстояло жить в централизованном государстве и на себе испытывать неоспоримые преимущества единодержавия. Прогрессивность исторических перемен не должна была вызывать сомнений, и стараниями придворных историографов болезненные деспотические наклонности Ивана III превращались на страницах летописей в проявления его отеческой, бескорыстной заботы о безопасности государства, а кровавые расправы над близкими и подчиненными — в мучительные личные жертвы ради блага грядущих поколений.

⁴⁸ «Слышав же се князь Борис Васильевич посла ко князю Ондрею Васильевичю Углецкому, брату своему большому, жалуюся на великого князя, что какову силу чинит над ними, что не волю кому отъехати к ним; они ему молчали, князь Юрий умер, брат их старейший, и князю великому вся отчина его досталася, а им подела не дал из тое отчины; Новгород Великий взял с ними, ему ся все подостало, а им жеребья не дал из него; а нынеча и zde силу чинит, кто отъедет от него к ним и тех безсудно емлет, уже ни за бояре почел братью свою; а духовные отца своего забыл, как написал по чему им жити, ни докончания, что на чем кончали после отца своего» (ПСРЛ. Т. VI. С. 222).

⁴⁹ Наиболее подробный рассказ об аресте Андрея сохранился в составе так называемого Архангелогородского летописца (II редакция Устюжской летописи): «В лета 7000 (1491. — Н. Г.). Приехал на Москву князь Андрей Углецкий сентября в 19 день, в понедельник. Князь великий почти его велми вечера того, а на завьтрее поймал во вторник брата своего князя Андрея Васильевича Углецкого и бояр его. А поймал так. Послал по него дворецкого своего князя Петра Великого князя Васильева сына Шастунова, а велел князя Андрея брата своего звать к себе хлеба ясти. Князь Андрей восхотел о том ему челом ударити брату своему старейшему. И как приде в западню и бил челом великому князю на чти (чести. — Н. Г.). И князь великий, мало посидев с ним и поговоря мало, и выиде от него в повалушу, а князю Андрею повеле себя ждати и бояром его повеле идти в столовую грядню. Они же внидоша, и тако поимаша их и разведоша разном. А князя Андрея повеле поимати князю Семену Ивановичю Ряполовскому. И князь Семен Ряполовской со многими князьми и бояры приде в западню ко князю Андрею Васильевичю, и ста перед ним слезен, и не моги слова ясно молвити. И рече слово слезен ко князю Андрею: “Государь, князь Андрей Васильевич, пойман еси Богом да государем великим князем Иваном Васильевичем всеа Русии, братом твоим старейшим”. И князь Андрей воста и рече: “Волен Бог да государь брат мой старейший, князь великий Иван Васильевич, а суд ми с ним пред Богом, что мя неповинно имае”, — на 1 часу дни. И сидел в западне до вечерни. И сведоша его на Казенной двор и приставиша стеречи многих князей и бояр. И после на Углец Поле князя Василья Косово, да брата его князя Ивана Мыньнду, княжих Ивановых детей Юрьевича, да князя Петра Ушатова, и иных детей боярских по 5-ти сот и велел поимати детей князя Ивана да князя Дмитрея. И поимаша, и посадиша в Переславле, и сторожи уставиша, а дщери не ведоша. На той неделе и железа возложиша, сентября в 22 день, и сторожев к целованию приведше» (ПСРЛ. Т. 37. С. 97–98). Дочери князя Андрея были замужем: Евдокия (в иночестве после 1512 г. — Елена) — за князем Андреем Дмитриевичем Курбским (1470–1512), московским воеводой; Иулиания (ум. в 1537 г.) — за князем Иваном Семеновичем Большим Кубенским (Ярославский К. М., свящ. Князья Угличские. Ярославские епархиальные ведомости (далее — ЯЕВ). 1892. № 45. Ч. н. Стб. 707 (тоже: Ярославль, 1892. С. 20; репринт доп.: Углич, 1999. С. 20).

Вопреки включенным в придворные анналы официальным обвинениям, выдвинутым Иваном III против своих братьев, реальная политическая картина, при всей ее сложности и противоречивости, была иной. Не предусмотренный сценарием мирный исход «бунта» Андрея и Бориса в 1479–1480 г. отчетливо показал истинные их намерения. В момент, когда возмущение братьев поведением великого князя достигло предела, они не воспользовались благоприятной ситуацией для захвата власти и, обеспокоенные судьбами Русской земли, забыв обиды и оскорбления, пришли ему на помощь. Стало очевидно, что Андрей и Борис стремились только заставить московского самодержца вернуть незаконно присвоенное и восстановить древние порядки, включая обычай наследования престола по старшинству.

Внутренняя политика удельных князей также диктовалась тенденциями самосохранения. Обеспокоенные усилением могущества и ростом притязаний Ивана III, они изыскивали мирные средства для укрепления своего положения, упрочения самостоятельности своих владений. В числе традиционных рецептов использовались основание монастырей, строительство и украшение храмов, установление празднований местным святым. Проводились подобные мероприятия и князем Андреем Угличским. К сожалению, немногие случайно дошедшие до нас сведения об этой стороне его деятельности — позднейшего происхождения, они крайне скудны, отрывочны, изобилуют ошибками и анахронизмами.

Причины тому многообразны. Главные уже отмечались. Как правило, информация о внутренней, духовной жизни уделов, а в особенности о происходивших там крупных, исторически значимых для всей Руси событиях — основании монастырей, постройке и росписи храмов — сознательно утаивалась московскими придворными летописцами, дабы не заслонять деятельности великого князя и не возвеличивать заслуги его соперников, давая читателям повод для нежелательных сопоставлений.

После ареста князя Андрея Большого многие документы, связанные с его именем, были уничтожены. Огромное количество письменных памятников погибло на территории Угличского княжества во время польско-литовской интервенции в начале XVII столетия. В то немногое, что чудом сохранилось, добавили путаницы в XVII и XVIII в. местные ревнители родной старины, пытавшиеся по разысканным ими случайно уцелевшим фрагментам восстановить и дополнить утраченные тексты.

«Многа бо писания последи литовскаго раззорения граду и святым обителем не обретаются, — сообщает один из подобных собирателей, составитель так называемой пространной редакции Жития Паисия Угличского, — уже погреблены бо суть вся от тех злых человек и сожжена быша, что и Летописец града Углича тогда же погиге, и сия едва в ризнице преподобнаго отца обретохом, да и то вся истлевша и изодрана весьма и едва можно разобрати, а иная останася не списана за невозможное; сия же мало от тех списавше и zde в Житие преподобнаго отца приличная положихом и исполнихом Житие святаго от оныя истории ныне нами обретенныя, яже прежде доселе тая история неведома бе нестарания ради...»⁵¹. В результате неумелых реконструкций рядом с интереснейшими и безусловно подлинными фрагментами древних текстов, а иногда и внутри них, появились восстановленные неправильно, а то и домысленные имена, даты, подробности, не согласующиеся с известиями других источников и между собой и ставящие под сомнение достоверность таких памятников в целом.

Чтобы в этой путанице разобраться, потребовалось бы выявить и подвергнуть тщательному сравнительно-историческому и текстологическому анализу все сохранившиеся архивные документы, все списки памятников письменности, повествующих об интересующем нас этапе истории Угличского княжества⁵². Но такая задача непосильна для одного человека и слишком далеко выходит за

⁵⁰ Повесть о Дракуле / Исследование и подготовка текстов Я. С. Лурье. М.; Л., 1964.

⁵¹ ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 141. Ср.: Ключевский В. О. Древнерусские жития. С. 317. Прим. 2.

⁵² Краткий обзор сохранившихся памятников угличской письменности см.: Русинов Н. Д. Письменная культура угличан Средневековья и XVIII века // Угличский историко-художественный музей. Исследования и материалы по истории

рамки предпринятого исследования. Поэтому здесь я приведу и попытаюсь — на основании доступных мне источников, не претендуя на исчерпывающую полноту, — прокомментировать выборочно лишь те факты, которые имеют отношение к теме работы, и выскажу предварительные соображения об их датировке и степени достоверности.

*

Наиболее интенсивное каменное и деревянное строительство развернулось в Угличском княжестве при Андрее Большом на протяжении 70–80-х годов XV в. Переделывались многие древние храмы, возводились новые. За этот период, в частности, были возведены каменные соборы монастырей: Паисиева Покровского (между 1479–1482 годами)⁵³, Николаевского Антониева Краснохолмского (согласно преданию, строился с 1481 года)⁵⁴ и деревянный — Учемского Кассианова (1484)⁵⁵; сооружены мощные кирпичные стены угличского кремля (толщиной в пять кирпичей — 2,25 аршина), составлявшие единое целое с примыкающими к ним кирпичными жилыми и хозяйственными постройками⁵⁶, сложенными из крупного, но тонкого «лещадного» кирпича прекрасной выделки, украшенными терракотовыми узорами, изразцами и покрытыми красной черепицей⁵⁷. Между 1481–1487 г. возведен кирпичный двухэтажный дворец Андрея Васильевича Большого⁵⁸,

Угличского Верхневолжья (далее — ИМИУВ). Книжная культура Углича. Углич, 1996. Вып. 4. С. 21–33; Денисов В. В. Документальные собрания монастырей Угличского Верхневолжья во второй половине XVII — начале XX вв. // ИМИУВ. Углич, 1998. Вып. 5. С. 12–24. Ср. также: Горстка А. Н. Из истории культурной жизни Углича времени Андрея Васильевича Большого (См.: Там же. С. 52–71).

⁵³ По данным Угличского летописца Музейного собрания РГБ (свод, составленный Г. Д. Серебrenиковым в конце XVIII в.), Покровский собор строился и украшался шесть лет, с 6991 по 6997 г. (1482–1488). См.: РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 51 об. — 52. Л. И. Денисов (Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи. М., 1908. С. 931) без указания источника датирует храм 1483 г., а составители академической «Истории русского искусства» (История русского искусства. М., 1955. Т. III. С. 287) — 1471 г. Предпочтение следует отдать версии пространной редакции Жития Паисия Угличского, согласно которой Покровский собор был заложен в 1479, а освящен 1 октября 1482 г. (ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 137–138; оригинал — рукопись первой четверти XVII в.: Угличский филиал Государственного архива Ярославской области (Далее — УФГАЯО). Ф. 49. Оп. 1. № 10. Л. 18–18 об.: «основаша <...> в лето 6987» и л. 24: «святися <...> в лето 6991 <...> месяца октября в 1 день»). Домовая церковь Константина, первоначально деревянная, построенная князем Андреем в 1470 г. и вошедшая в комплекс дворцовых построек, с приделом Елены, освященным в честь патрональной святой супруги князя, была приписана к Преображенскому собору, поэтому соборный протопоп считался одновременно Константиновским (Лавров Н. Ф. Путеводитель по церквам города Углича. Изд. второе, репринтное и дополненное. Углич, 1994. Примечания. С. 1). Упомянутое выше утверждение составителя Угличского летописца о том, что освящение Покровского собора произошло в 1488 г., приведенным перечнем присутствовавших на этой церемонии убедительно опровергается, поскольку упомянутые в нем трое участников торжества скончались в 1483 г.: Мартиниан Ферапонтовский — 12 января (Строев П. М. Списки иерархов. Стб. 82), Макарий Колязинский — 17 марта (Там же. Стб. 448), жена князя Андрея, Елена Романовна Мезецкая — 2 апреля (ПСРЛ. Т. 25. С. 330). Покровский монастырь взорван большевиками.

⁵⁴ Древности. Труды имп. Московского археологического общества. М., 1880. Т. VIII. С. 68–69. От белокаменного Никольского собора сохранились руины. По мнению обследовавшего их В. П. Выголова, строительство храма велось итальянским зодчим (Выголов В. П. Никольский собор Антониева Краснохолмского монастыря (последняя четверть XV в.) // Памятники русской архитектуры и монументального искусства. М., 1991. С. 24–25). На рубеже 70–80-х г. XV в. в Москве работали три итальянских архитектора: знаменитый Аристотель Фиораванте, его сын Андрей и помощник Петр — вероятно, идентичный неизвестному по имени «венецианцу», восстановившему в 1477 г. разрушенную бурей главу Успенского собора Симонова монастыря (ПСРЛ. Т. 24. С. 195: «Того же лета съделан бысть верх церкви на Симанове, иже гром разил, а делал и мастер венецианский, други, не той, [и]же большею церковь Пречистыя ставить»). Одного из них Иван III после примирения с братом мог ненадолго отпустить в Угличское княжество для осуществления архитектурных замыслов Андрея Большого. Однако С. С. Подъяпольский датирует Никольский храм серединой XVI в. (Подъяпольский С. С. О датировке Никольского собора Антониева-Краснохолмского монастыря // Архитектурное наследие. № 44. М., 2001. С. 26–31).

⁵⁵ По свидетельству монастырской описи 1764 г., соборная церковь Успения Богородицы «построена в прошлом 6992 году» (Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. М., 1887. С. 328). Та же дата приведена в неопубликованном Летописце Кассиановой пустыни: «В лета 6992 освящена первоначальная соборная церковь Успения Богородицы» (РГБ. Ф. 299. № 234. Л. 112).

⁵⁶ Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле // Труды второго областного Тверского Археологического съезда 1903 года 10–20 августа. Тверь, 1906. С. 403.

⁵⁷ Там же. С. 406.

⁵⁸ Ф. Х. Киссель в «Истории города Углича» (Киссель Ф. С. История Углича. Ярославль, 1844. С. 372; Репринтное с доп.: Углич, 1994) отмечает, что «дворец построен князем Андреем Васильевичем, следовательно, около 1462 года». Из контекста

а в 1487 году посреди княжеского двора на месте древнего деревянного Преображенского собора воздвигнут новый белокаменный храм⁵⁹.

ясно, что дата относится к началу княжения Андрея, а не к постройке дворца. По мнению Л. Ф. Соловьева (*Соловьев Л. Ф. Краткая история города Углича*. СПб., 1895. С. 58), дворец строился в 1481–1483 г.; по другим известиям (Ф. Х. Киссель – Н. Г.) – в 1462 г. Источники автором не названы; тем не менее, последующие исследователи до недавнего времени придерживались хронологических вех, предложенных Л. Ф. Соловьевым. Е. В. Михайловский (*Михайловский Е. В. Углич. М., 1948. С. 16*) относил постройку к началу 80-х г. XV в.; В. Н. Иванов (*Иванов В. Н. Ростов Великий. Углич. С. 175*) – к 1482 г. Согласно Угличскому летописцу Музейного собрания РГБ, дворец возведен «от лета жсцчз (6997=1489. – Н. Г.) году» (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 117); однако в приписке на поле добавлено: «Зри, что полаты оны каменные, или дворец царский, построены о двух жильях снаружи и третье внутрь фундамента; под ними есть погребка глыбокия в земли; и оны[й] то сей дворец создан благоверным князем углеческим Андреем Васильевичем за 110 лет до убинения свягата царевича Дмитрия (15 мая 1591 г. – Н. Г.), то есть в лето жсцчз (6999=1491. – Н. Г.) году». Ср.: ЯЕВ. 1894. № 16. Ч. н. Стб. 247. Очевидно, в первой дате – ошибка: вместо жсцчз следует читать жсцчз . Впрочем, в другой приписке указано, что князь Андрей «дворец той строил <...> в та ж времена, егда и соборную Преображения Г[оспо]дня <...> в лет[о] жсцчз (6995=1486/1487. – Н. Г.)» (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 162 об.). О палатах Андрея см. также: *Глазoleв А. Г. О древних великокняжеских и царских дворцах // Журнал Министерства внутренних дел*. СПб., 1841. № 9. С. 358–361; *Шляков Н. В. Свод известий о дворце св. царевича Дмитрия в Угличе*. Ярославль, 1889.

⁵⁹ Во время копания ровов под фундамент собора при князе Андрее Васильевиче были открыты мощи князя Романа Угличского (ум. 3 февраля 1285=6793 г.). Обычно открытие мощей и завершение постройки храма относятся исследователями к 1485 г. (ср., например: *Голубинский Е. Е. История канонизации святых в русской церкви*. М., 1903. С. 118; *Михайловский Е. В. Углич. С. 22*; *Иванов В. Н. Ростов Великий. Углич. М., 1964. С. 176*). Так – 6993 г. – датируется закладка собора в некоторых списках Угличского летописца (Труды Ярославской губернской ученой архивной комиссии (далее – Труды ЯГУАК). М., 1890. Вып. I. С. 25; Угличский летописец. Ярославль, 1996. С. 43, 155). Однако в списках РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 49, 162 об, 184 об.; БАН. Археогр. ком. № 18 (Труды ЯГУАК. Вып. I. С. 101) и Гос. музея-заповедника «Ростовский Кремль», инв. Р-48, из собр. Е. В. Барсова (Угличский летописец. С. 35, 56) оба события упомянуты под 6995 г. (на с. 35 – ошибочно под 1 октября: это день основания угличского *Покровского* собора; тут же уточняется, что закладка Преображенского храма и открытие мощей произошли через 202 года после преставления Романа). Действительно, 6793+202=6995. К 6995 г. отнесено обретение мощей Романа и в кратком Угличском летописце второй половины XVIII в. (РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. № 102. Л. 10 об.). Под тем же 6995 г. упоминается о закладке собора и находке гроба с мощами Романа в неизвестном ранее широкому кругу исследователей «Житии свягата и благовернаго князя Андреа Васильевича Угличкаго и чад его, благоверных князей Иоанна и Дмитрия, новых страсготерпцев» (на л. 159 в списке XVIII в. ГИМ. Увар. № 818. Л. 151 об. – 167 об., в конволюте, включающем службы, похвальные слова и переписку генерал-майора У. С. Потапова (умер в 1785 г.; в 1776–1779 служил полковником в Угличском пехотном полку. См.: *Русский биографический словарь*. [Т. 13] Плавильщиков–Примо. СПб., 1905. С. 643) со старообрядческим деятелем Андреем Борисовым. Согласно архиепископу Сергию, имя князя Андрея появляется в святцах в списке РНБ. № 51 (ПМВ. Т. II. Ч. 2. Приложение 3. С. 548), составленном между 1606 и 1625 г., но не позднее 1641 г. (ПМВ. Т. I. С. 355) – под 5 ноября. По Житию Андрея (Л. 166), он скончался «в лето 6999 (1490. – Н. Г.) ноября в 5 день». Та же дата указана в Житии его сына Дмитрия (Там же. Л. 142–151; не опубликовано) на л. 143. Оба жития излагают предание о заточении, смерти и погребении Андрея в Угличе. Но в отличие от Жития Андрея, в Житии Дмитрия Андрей и два его сына именуются *великими князьями*. Судя по указаниям в тексте Жития Андрея, можно полагать, что оба произведения написаны в 20–30-х г. XVII в. (близкая датировка: *Леонид, архим.* Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1894. Ч. IV. С. 446. Но автором не мог быть составитель Жития Игнатия, живший почти на сто лет раньше), после возобновления разоренного собора, но до его разборки, возможно, за пределами Углича (ср.: «и доднесь там его сокровища останок от разорения грала Углича ясно во очесех всех зрящих цветет» (Л. 153)). Здесь же на л. 159 об. отмечено, что до создания драгоценной раки для мощей Романа, установленной в храме по завершении его постройки, «и лик свягата отца на иконе вообразиша». Тот же 6995 год указывает архиепископ Сергий (ПМВ. Т. II. С. 33 – под 3 февраля, 282 – под 13 сентября); поскольку зимой строительные работы не велось, обретение мощей Романа следует, вероятно, датировать 13 сентября 1486 г. (1486+5509=6995). В Барсовском списке Угличского летописца отмечено также, что новый собор начали строить в 7206, а старый – на 212 лет ранее, то есть в 6994, 1486 г.: 7206–212=6994; 6994–5508=1486 (Угличский летописец. С. 35, 125). Таким образом, есть основание думать, что подготовка к строительству началась летом 1486 г., а открытие мощей и окончание постройки храма относятся к 6995 г., то есть, оба события произошли между 1 сентября 1486 и 31 августа 1487 г. В эти хронологические рамки укладываются и открытие мощей Романа 13 сентября 1486 г. во время копания ровов под соборный фундамент, и освящение собора, которое по традиции скорее всего было приурочено к храмовому празднику Преображения – 6 августа 1487 г. Такая датировка не противоречит известию пространной редакции Жития Паисия о том, что строительство Преображенского собора началось «не по мнoзех же летех» после освящения 1 октября 1482 г. Покровского собора угличского Паисиева монастыря (ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 139). Правда, по утверждению одного из составителей Барсовского свода, Преображенский собор был построен «в третие лето по рождении благоверных чад своих, то есть в лето 6991 году начало основанию соборная церкви сотвори», за три года – «трема леты <...> и со двамя пределы – свягата и всехвалнаго апостола Андрея Первозваннаго, ангела благовернаго князя, и святых благоверных и равноапостолных царя Константина и христоролюбивыя матери его Елены» и освящен «Ростовским архиепископом Тихоном» (Угличский летописец. С. 155. Дата 6691 г. и на с. 43). Угличский исследователь

Для новых храмов требовались иконы, а некоторые каменные постройки ждали росписи. Письменных свидетельств об участии Дионисия в живописных работах на территории Угличского княжества обнаружить пока не удалось. Но если согласиться с высказанными мною ранее соображениями о несомненности рабочих контактов между Дионисием и Андреем Большим, то станет очевидно, что, находясь на службе у этого князя, знаменитый иконописец не мог не принимать участия хотя бы в наиболее ответственных из финансируемых Андреем мероприятий. Во всяком случае, совершенно неправдоподобно выглядело бы предположение, что Андрей Угличский, заказав Дионисию драгоценный деисус для отдаленного Каменного монастыря, отказался от намерения украсить его произведениями церкви и монастыря собственного княжества, о которых проявлял столько заботы.

В связи с этим можно вспомнить, например, что в 1482 году князь Андрей дарил «иконы многия» Кассиану Учемскому⁶⁰, снабжал иконами и возведенные позже храмы его обители⁶¹. С пристальным вниманием относился Андрей Васильевич к постройке и украшению Паисиева Покровского монастыря. Составитель пространной редакции Жития Паисия особо выделил эпизоды, связанные с храмовой иконой Покрова Богородицы, обнаруженной «на воде» у берега Волги монастырским пекарем. В то время только что построенный собор начали «украшати иконами и книгами, и стенным писанием по местом, и местныя еще тогда иконы не бе написаны»; новоявленный образ «поставиша на место в соборной церкви, у царских врат <...> и нарекоша освятити оную соборную церковь во имя Покрова пресвятыя Богородицы»⁶². Когда в Угличе загорелись торговые ряды и посад, Паисий с игуменами других монастырей принес эту икону в город, и огонь отступил⁶³. Последний рассказ перекликается с известием московского летописного свода конца XV века о сильном пожаре в Угличе в июне 1491 года, когда «згоре град Угльчъ весь, и на посаде погоре и за Волгою дворов боле пятисот, а церкви згорело 20»⁶⁴.

Не исключено, что позднейшее предание отразило и другие реальные исторические обстоятельства, например, тот примечательный факт, что икона «Покров»⁶⁵ была написана, по-видимому, за пределами

А. Н. Горстка отмечает, что вскоре после заточения князя Андрея Иваном III оба придела «были переосвящены: южный Андреевский стал приделом князей Бориса и Глеба, а северный Константиновский — приделом Похвалы пресвятой Богородицы» (Горстка А. Н. Спасо-Преображенский собор в Угличе. М., 2002. С. 7). Так великий князь пытался искоренить в Угличе память о создателе собора и его супруге — княгине Елене. К сожалению, в прокомментированном А. Н. Горсткой отрывке реальные факты перемешаны с домыслами одного из составителей свода. Во-первых, «чада» (сыновья) князя Андрея появились на свет не одновременно: Иван — в 1480, а Дмитрий — в 1482 г. (см.: Голейзовский Н. К. Начало деятельности Кассиана Учемского по письменным источникам // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2002. № 4 (10). С. 22–23). Во-вторых, на фреске северной стены Архангельского собора Московского Кремля над изображением князя Андрея (согласно его Житию, память 12 августа — день рождения князя; в святцах РНБ. № 51, список второй четверти XVII в. — 5 ноября, по Житию это день его кончины — см.: ПМВ. Т. II. Приложение 3. С. 548, датировка см.: ПМВ. Т. I. С. 355) изображен в медальоне его патрональный святой — не апостол Андрей (память 30 ноября), а мученик Андрей Стратилат (память 19 августа). Ср.: Сизов Е. С. К атрибуции княжеского цикла в росписях Архангельского собора // Гос. Музеи Московского Кремля. Материалы и исследования. Вып. II. М., 1976. С. 85. Приложение I. № 32; С. 94. Приложение II, 7. № 32; ср.: С. 66. Ил. 3). В-третьих, Тихон стал архиепископом только 15 января 1489 г.; в 1481–1488 г. ростовским владыкой был Иоасаф.

⁶⁰ РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 62 об.; ЯЕВ. 1894. № 12. Ч. н. Стб. 178.

⁶¹ Ср., например: РГБ. Ф. 299. № 204. Л. 79 об.: «церковь (Успения. — Н. Г.) ...украшив, яко невесту, иконами, и книгами, и ризами, и всякою утварю...» (ЯЕВ. 1873. № 14. Ч. н. С. 116).

⁶² ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 137; УФГАЯО. Ф. 49. Оп. 1. Л. 19.

⁶³ ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 140.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 25. С. 332; другие летописи сообщают о 15 сгоревших церквях: ПСРЛ. Т. 24. С. 208; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 286; ПСРЛ. Т. 27. С. 291 и 361; ПСРЛ. Т. 28. С. 156 и 321; и др.

⁶⁵ Местный образ «Богородицы Покрова на золоте» упоминается в описи Покровского монастыря 1702 г. (Углич. Материалы для истории города XVII и XVIII столетий. С. 168). Об этой иконе см. также: Иувеналий Раменский, иером., Ярославский К. М., свящ. Сказание о явленной и чудотворной святой иконе Покрова пресвятыя Богородицы, принадлежащей Угличскому Покровскому монастырю Ярославской губернии. Ярославль, 1899. Экспонируется в Угличском музее (УИХМ. № 15292. Разм.: 158,5 x 121,5 см. Реставрирована в 1989 г. в ЯСНРПМ). К сожалению, ознакомиться с этим памятником вблизи мне не удалось, поэтому уверенно отождествлять его с чудотворной иконой 1482 г. не решаюсь. Авторский красочный слой иконы почти полностью утрачен и был возобновлен, вероятно, в XVII в.; от древней живописи сохранились незначительные фрагменты крыльев архангела. Составитель Музейного списка Угличского летописца отмечает, что внутреннее убранство монастырских церквей «обновись в первое достоинство» при царе Михаиле Фелоровиче, и добавляет: «В сем же монастыре

Углича, поскольку транспортировалась водой. Работу над храмовым образом естественно было поручить самому выдающемуся среди мастеров, связанных с князем Андреем. Если допустить, что икона писалась в 1482 г. Дионисием или одним из ближайших его сотрудников в Дмитрове, то везти ее оттуда летом в Покровский монастырь, находившийся на берегу Волги выше Углича, удобнее всего было именно водой, привычным торговым путем, вниз по течению рек — сначала по Яхроме, притоку Сестры, затем по Сестре, впадающей в Волгу выше монастыря, и далее по Волге, до того места, где ее обнаружил, согласно Житию Паисия, монастырский пекарь.

По рассказу Повести о разорении града Углича, весной 1609 года иконы Покровского собора были сожжены вместе с телами убитых прихожан⁶⁶; пространная редакция Жития Паисия Угличского уточняет, что не только иконы, но «и писание на стенах, писанная вся погоре»⁶⁷. Однако еще в начале XVI века, при жизни Паисия, соборный иконостас пострадал от воды, хлынувшей в храм во время половодья, и поврежденные иконы были перенесены в монастырскую церковь Богоявления. Существует предание, что после закрытия монастыря семь икон деисуса из покровского деисуса: Богородица, Иоанн Предтеча, архангелы Михаил и Гавриил, апостолы Петр и Павел, а также Николай Чудотворец — попали в трапезную действующей церкви Леонтия Ростовского; оттуда они поступили в Угличский музей⁶⁸. Каково бы ни было происхождение «леонтьевского чина» конца XV в.⁶⁹, неуверенный рисунок, отсутствие в надписях характерных особенностей почерка Дионисия, собственноручно подписывавшего созданные под его руководством произведения, обилие глухих темнозеленых оттенков, не свойственных работам прославленного мастера, позволяет усомниться в его причастности к исполнению этих икон.

По свидетельству той же пространной редакции Жития Паисия, князь Андрей после освящения Покровского храма, как уже говорилось, «не по мнозех же летех начат строити каменную соборну великую церковь во имя боголепнаго Преображения Господня <...> в крепости града своего Углича»⁷⁰. Возведенный из камня, собор не требовал длительной просушки и мог быть расписан уже через год или два после постройки. Предположение об участии Дионисия и его мастерской в украшении княжеского Преображенского собора в Угличе (создание иконы князя Романа после открытия его мощей в 1484 г.; иконостас — 1487; фрески — между 1488 и 1491 г.) представляется наиболее основательным среди гипотез о других несохранившихся угличских его произведениях⁷¹.

есть самая предревнейшая иконы наместныя преподобнаго Паисия и Богоявления Господня и Покрова пресвятыя Богородицы и инья многи» (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 201). Впрочем, рядом на правом поле скептическая приписка: «Зри, что в нынешнем времен[и] некия наместныя древнейшия иконы овья уже и преписаны, и овья и совсем уничтож[е]ны, толико един [образ] преподобнаго Паисея и прочих мало не преписаных осталось ныне в тои обители».

⁶⁶ ЯЕВ. 1892. № 47. Ч. н. Стб. 746: «...зажгоша во святей церкви коностас и святыя иконы...». О том же ср. в Житии Паисия Угличского (ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 139). По сведениям, собранным угличским краеведом XIX в. В. И. Серебренниковым, захватчики, проникнув в храм, «устремилася на святыя иконы, аки псы хопающе с икон ризы и оклады здирающе, сосуды церковныя и ризницу ограбиша. Егда же все пограби, зажже храм соборный, а под собором в погребях было много сала и другой рухляди, все сие сильно возгорелось и бысть пожар велий внутри храма; все выгорело деревяное строение и образа». См.: Шляков Н. В. Свод известий о дворце св. царевича Димитрия в Угличе. С. 10; ср.: ЯЕВ. 1873. № 13. Ч. н. С. 141. То же: Киссель Ф. Х. История города Углича. С. 328.

⁶⁷ ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 139.

⁶⁸ В 1965–1966 г. реставрировались в ВХНРЦ им. акад. И. Э. Грабаря. См.: Горстка А. Н. Деисусная икона «Апостол Павел». (К вопросу о работе московских иконописцев в Угличе в 80-х годах XV в.) // ИМИУВ. Углич, 1993. Вып. 3. С. 137–152.

⁶⁹ Составитель Музейного списка Угличского летописца отмечает, что в левобережной приходской церкви Леонтия сохранились «иконы наместныя древния» (РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 215).

⁷⁰ ЯЕВ. 1873. № 17. Ч. н. С. 139.

⁷¹ О том, что фрески Преображенского собора могли быть работой Дионисия, предполагал еще Е. В. Михайловский (Михайловский Е. В. Углич. С. 23), считавший вероятным также исполнение «группой художников под руководством знаменитого живописца Дионисия» (Там же. С. 19) фресок дворца князя Андрея, о которых будет сказано дальше. А. Н. Горстка пишет: «Вполне возможно, что в 80-х годах XV в. художественная артель Дионисия работала в Угличе, принимая участие в росписи стен и написании икон для Покровского собора Паисьева монастыря 1479–1482 г.г. и Преображенского собора угличского кремля 1487–1488 г.г.» (См.: Памятники культуры. Новые открытия. 1986. Л., 1987. С. 349. Прим. 30).

Согласно угличским писцовым книгам 1674–1676 г., церковь эта была «каменная, на высоких папертях, об одной главе, своды с перететивьем, с столбов развершена с закомарами, покрыта по закомарам тесом, а глава на деревянных дугах покрыта чешуею деревяною. А по сказке выборных старожилов угличан посацких людей Гарасима Потапова с товарищи, строение та соборная церковь благовернаго великого князя Андрея Васильевича Углицкаго, а в котором году строена сказали не упомнят. *А в той церкви изстари было стенное писмо, ныне обетчало и подписей не знать*»⁷². Составители Барсовского списка Угличского свода уточняют: «Во означенной ж древле соборной каменной церкви изстари было *стенное писмо, при самом же том князе Андрее Васильевиче написанное доброписанно*»⁷³; «в ней же было изстари стенное писмо прекрасно, *написанное тем же князем Андреем*»⁷⁴.

В Житии князя Андрея о внутреннем и внешнем убранстве храма сообщаются важные дополнительные подробности: «Бяше иконы же суть зело чудновидни, ризами златоконнани и жемчугом унизанни, и даже до верха церковнаго сия златоблистахуся. **По стенам же бе изуграфи написан Страшный суд Божий и Апокалипсис Иоанна Феолога, и воплощение Господа нашего Иисуса Христа, и терпение волныя Его страсти от безбожных жидов. Сия воображени зело бе художеством прехитрым и чудным.** Наверху же церкви главы бяху позлащенныи и кресты на главах от древа бе устроены кипариса и златоконнани. Крышка же бе на церкви медноконнана»⁷⁵.

Рядом с собором находился соединенный с ним крытым переходом кирпичный княжеский дворец, верхний этаж которого, по свидетельствам очевидцев, был украшен необыкновенными по красоте росписями на сюжеты священного писания⁷⁶. Вот как описывает дворец и его фрески составитель Музейного списка Угличского летописца: «Христолюбивый князь Андрей вънутрь града Углича, во дворе князем, устрояеть каменнозданныя, троехрамныя высоты, прекрасныя, своя княжения достолепныя полаты, четвероверхобразныя видением и зело преславны, с причудным высокаго терема во внутрь их въхождением и низхождением, и *яж вънутрь тех третицнаго верхняго храма стеннописанием преблагоепне живописателно иконноизображени изуграфически преудобревает*»⁷⁷.

Судьба этих выдающихся памятников живописи трагична. В апреле 1609 года погибли в огне иконы угличского Преображенского собора — «иконостас церковный княжий и иконы вся»⁷⁸ и сильно пострадали его фрески «дивнаго зрениа», а «церковь соборная от того времени

⁷² Труды ЯГУАК. М., 1892. Вып. 2. С. 34. Грамота на перестройку собора, данная 6 марта 1700 г. Петром I, добавляет, что не только «подписей», но и «лиц не знать», что местами «левкас стеной обвалился», церковь без связей, «с пределы», на которых сохранились кресты и главы, крытые при Алексее Михайловиче деревянной чешуей, что у паперти стены и столбы каменные без сводов (Тихомиров И. А. Раскопки в Угличском кремле. С. 405–406). И. А. Тихомиров, исследовавший территорию княжеского двора летом 1900 г., отметил, что древний собор «был меньше современного, располагался ближе его к Волге и на восточной стороне оканчивался тремя алтарными полукруглыми выступами (апсидами). По отвесному цоколю он был облицован «белым камнем» (известняком) в два ряда <...> К сожалению, основание древнего собора не могло подвергнуться исследованию и раскопке по той причине, что как раз на месте его алтаря и главной части собственно храма расположена ныне придельная соборная «Похвальская» церковь (бездарное произведение зодчего николаевского времени)» (Там же. С. 403–404). При раскопках 80-х г. XX века обнаружено множество фрагментов древней штукатурки с остатками фресок ярких оттенков (киноварь, золотистая охра, зеленые тона), быстро утрачивавших цвет после извлечения на свет. Они хранятся в фондах Угличского музея. На одном из фрагментов сохранились остатки надписи, датированной палеографом О. А. Князевской концом XV в.

⁷³ Угличский летописец. С. 57.

⁷⁴ Там же. С. 85.

⁷⁵ ГИМ. Увар. № 818. Л. 161.

⁷⁶ Угличский летописец. С. 86, 98. О том, что в угличском княжеском дворце XV в. «стены были расписаны живописными священными изображениями», упоминает А. М. Щекатов (Словарь географический Российского государства. Ч. VI. М., 1808. Стб. 534). Традиция украшать стенописью княжеские терема была древней (ср.: Голейзовский Н. К. Епифаний Премудрый о фресках Феофана Грека в Москве // Византийский временник. М., 1973. Т. 35. С. 223–224). Дионисий, вероятно, имел возможность видеть фрески кремлевского терема Василия Дмитриевича, расписанного «незнаемою подписью и страннолепно» Феофаном Греком (Вздорнов Г. И. Феофан Грек. Творческое наследие. М., 1983. С. 41).

⁷⁷ РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 52; ср.: ЯЕВ. 1894. № 16. Ч. н. Стб. 247.

⁷⁸ Угличский летописец. С. 81. В связи с этим необходимо отметить, что хранящиеся в ГИМ и ГТГ иконы деисуса конца XV в. из старообрядческой молельной угличских купцов Выжиловых, если и происходили, согласно сообщенному

зело разседеся»⁷⁹. Однако в приведенной составителем Барсовского списка Угличского свода выписке из «Книги писма осмотру о городе Угличе» 7128 (1619/1620) года сохранилось ценное свидетельство: «образ местной Преображения Господня, самый той же старой, храмовой, неведомо кем вынесен был из соборной церкви, и не згорел. И потом внесен и поставлен в той же соборной церкви на месте своем. А другия все иконы и деисус — иконостас княжий, и иное все внутри соборныя церкви, и стенное писмо огорело и сожжено было»⁸⁰. Когда собор восстанавливали, «образа из разных церквей из оставших наносили, и царские двери. А храмовой образ Преображения Господня и инья некия немногия иконы, сохраненныя по Божией воли самыя древния, и первыя внесли»⁸¹. Один из составителей Барсовского свода уточняет, что возвращенный в собор образ Преображения «чюдно от огня сохранен бысть <...> толко олифа позагорела. И поставлен бысть на правой стороне у царских врат»⁸².

О том, что от древнего соборного иконостаса остались «наместная икона Преображения Господня и иные немногие образа», сообщил царю Петру I в 1706 году соборный протопоп Афанасий⁸³. Составитель Музейного списка Угличского летописца тоже утверждает, что уцелели и находятся в иконостасе вновь построенного Преображенского собора (освященного 2 сентября 1713 года и существующего поныне) не только храмовый образ Преображения, но и несколько других древних икон⁸⁴. Местный образ Преображения в первую очередь нуждается в реставрационном обследовании. Если авторская живопись сохранилась под записью, весьма вероятно, что мы окажемся свидетелями открытия неизвестной работы Дионисия 1487 года.

Что касается дворца Андрея Васильевича, то в период польско-литовской интервенции он служил местом пыток и казней; в течение XVII—XVIII в. постепенно приходил в ветхость, пока в начале XIX столетия не привлек внимания купца А. В. Кожевникова, отремонтировавшего сохранившуюся его часть, известную под названием «тронной палаты». Уцелевшие фрески стали в 1802 году жертвой безграмотных поновителей: «прежняя стенопись (al fresco) была уничтожена (стерта и замазана) и заменена новою, неискусной кисти, причем, к сожалению, уничтожены были следы перегородок, означавших прежние комнаты, хоромы дворца»⁸⁵.

На вновь устроенном вместо утраченного крестового свода деревянном накатном потолке появилось изображение Саваофа, тогда как «по старинному преданию, острые своды главного терема были некогда расписаны изображениями Притчей»⁸⁶; на южной стене по сторонам от древнего образа Нерукотворного Спаса, плотно прописанного, разместились изображения Паисия Угличского и Игнатия Прилуцкого (справа), Романа Угличского и Кассиана Учемского (слева); на других стенах — в верхнем ярусе медальоны с изображениями великих князей и царей от Рюрика до Александра I, а в нижнем — четыре новозаветных композиции, «Убиение царевича Дмитрия» и «Возведение на царство Михаила Романова». Под образом Спаса в клейме располагалась повествующая о ремонте настенная летопись, заканчивавшаяся словами: «в сем доме возобновлены

Ю. А. Олсуфьевым преданию, из Преображенского собора (см.: Антонова В. И., Мнева Н. Е. Каталог древнерусской живописи. М. 1963. № 289. Т. I. С. 349–350), то попали туда, скорее всего, после «литовского разорения» из других церквей и, судя по незначительным размерам (высота — 114 см), не могли принадлежать к главному соборному иконостасу (ср.: Горстка А. Н. Спасо-Преображенский собор в Угличе. С. 9).

⁷⁹ ЯЕВ. 1892. № 48. Ч. н. Стб. 755–757.

⁸⁰ Угличский летописец. С. 97.

⁸¹ Там же. С. 98.

⁸² Там же. С. 57.

⁸³ Там же. С. 131.

⁸⁴ РГБ. Ф. 178. № 934. Л. 208: «наместная икона Преображения Г[оспо]да нашего И[су]са Х[рис]та самодревнейшая ж[е], и прочия есть иконы богородичны и неких святых древнейшия ж[е] н[ы]не существуют».

⁸⁵ Ярославские губернские ведомости. 1859. С. 265–266; Шляков Н. В. Свод известий о дворце св. царевича Дмитрия. С. 12. Ср.: Соловьев А. Ф. Краткая история города Углича. С. 59; Михайловский Е. В. Углич. С. 18.

⁸⁶ Картины России и быт разноплеменных ее народов, из путешествий П. П. Свиньина. Ч. I. СПб., 1839. С. 114.

едва значущие черты священного изображения Спасителя Нерукотворенного Образа. Прочее же вновь усердием написано в 1802 году, окончено сего же года ноября 10-го дня»⁸⁷.

В октябре 1888 и в июне 1889 г. в поисках древних фресок стены палаты были обследованы Н. В. Султановым, заключившим, что «никаких следов древнего росписания не сохранилось»⁸⁸. Печальный вывод подтвердился 5 апреля 1891 г., когда «во всем втором этаже, за исключением южной стены с изображением Нерукотворенного Спаса, была сбита штукатурка, причем оказалось, что никаких следов сводов не уцелело: это объясняется тем, что стены изнутри были сплошь перелицованы при перестройке, произведенной в 1802 г.»⁸⁹. В 1892 г., перед открытием в помещении палаты Музея отечественных древностей, клеевые росписи 1802 года, за исключением Нерукотворного Спаса, заново переписанного в середине XIX в., заменили орнаментами, которые в 20-х годах XX в. были забелены⁹⁰.

На этой грустной ноте приходится завершить обозрение собранных мною сведений об угличских постройках князя Андрея Большого, в украшении которых мог принимать участие Дионисий⁹¹. Хочется верить, что более ясные свидетельства об угличских работах прославленного живописца еще найдутся в уцелевших от иноземного и отечественного невежества неизученных рукописях, рассеянных по библиотекам и архивам, а в музейных запасниках и захолустных церквях будут обнаружены и открыты от записей иконы, созданные Дионисием и его сотрудниками для угличских храмов.

⁸⁷ Известия имп. Археологической комиссии (далее — ИАК). СПб., 1908. Вып. 26 (Вопросы реставрации. Вып. 1). С. 104–105; ср.: ЯЕВ. 1844. № 42. Ч. н. С. 24.

⁸⁸ ИАК. Вып. 26 (Вопросы реставрации. Вып. 1). С. 104.

⁸⁹ Там же. С. 122.

⁹⁰ См.: Лавров Н. Ф. Путеводитель по церквам города Углича, примечания. С. 2–3.

⁹¹ Первоначально работа представляла собой вторую главу монографии «Дионисий по письменным источникам», подготавливаемой по договору (№ 2–456 от 30 ноября 1983 г.) с московским издательством «Изобразительное искусство». Вместе с первой главой, посвященной связям Дионисия с дмитровскими князьями и Пафнутием Боровским, она обсуждалась 24 ноября 1987 года на заседании сектора русской культуры дооктябрьского периода Института истории СССР как часть предполагавшейся к защите диссертации на степень доктора исторических наук. Жизненные обстоятельства воспрепятствовали осуществлению обоих проектов. Сохранившийся материал пересмотрен и дополнен автором зимой 2004–2005 г.

